На правах рукописи

Капканов Ефим Николаевич

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦИМЛЯНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата наук

Элиста – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Научный руководитель: **Кринко Евгений Федорович,**
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Официальные оппоненты: **Жиромская Валентина Борисовна,**
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения истории территории и населения России ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Чернышева Наталья Викторовна,
доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник, руководитель Центра истории, теории и методологии Института социальной демографии имени Л.Л. Рыбаковского ФГБУН Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»**

Защита состоится 29 января 2027 года в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.1.459.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» по адресу: 358000, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8, ауд. 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке КалмНЦ РАН по адресу: 358000, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8 и на сайте http://kigiran.com/sites/default/files/dissertation_kapkanov_en.pdf

Автореферат разослан _____ _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук Л. Манджикова Л. Б. Манджикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Цимлянское водохранилище, введённое в эксплуатацию в 1952 г. в составе Волго-Донского водного пути, – один из ключевых гидротехнических проектов позднего сталинизма, решавший сразу несколько задач: обеспечения судоходства, развития энергетики и орошения засушливых земель юга страны.

Масштаб проекта определил беспрецедентные демографические и социальные последствия: в зоне затопления оказались 164 населённых пункта, где переселению подлежали 13 718 дворов (79,6 % от общего числа). Перемещение целыми населенными пунктами стало не просто сменой места жительства, а деформацией механизмов трансляции культурного наследия, «последним аккордом расказачивания» – утратой пространства, в котором веками формировалась казачья идентичность[1].

Несмотря на более чем семидесятилетнюю историю изучения переселения, многие его аспекты – система управления, региональные различия, механизмы компенсации имущества разных форм собственности, повседневные практики адаптации к новым условиям жизни – остаются вне поля зрения исследователей.

Научная актуальность исследования определяется его соответствием современным направлениям в развитии исторической демографии, экономической и социальной истории, истории повседневности и государственного управления.

Наряду с этим накопленный опыт сохраняет актуальность для оценки современных гидротехнических проектов: в частности, при проектировании Багаевского гидроузла на Нижнем Дону и Красногорского гидроузла на Иртыше учёные выявляют экологические и социальные риски, аналогичные зафиксированным при изучении Цимлянского водохранилища.

Степень изученности темы. В развитии отечественной историографии проблемы выделяется три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Предлагаемая периодизация отражает эволюцию исследовательских подходов, позволяя проследить, как менялся угол зрения на проблему: от инженерно-экономического обоснования – к критической рефлексии и расширению круга рассматриваемых сюжетов, от вопроса «как это было организовано?» к вопросу «что это значило для людей?».

В трудах авторов дореволюционного периода анализировались проекты соединения Волги и Дона, состояние водных путей, попытки обустройства судоходства. Хотя переселение как социальная проблема в них

[1] Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону. Ростов-на-Дону, 2019.

не рассматривалось, данные работы важны для понимания того, как формировалась сама идея гидротехнического преобразования региона и создания водохранилища на Дону[2].

Советская историография делится на два этапа, границей между которыми служит 1952 г. – год завершения строительства. На первом этапе внимание уделялось проектированию, выбору трассы и технико-экономическому обоснованию канала, а переселение считалось второстепенной технической задачей[3]. К этому этапу также относятся работы, освещающие сталинский план преобразования природы[4].

На втором этапе появились юбилейные, ведомственные и научно-популярные издания, прославлявшие трудовой подвиг строителей[5], а также труды, обобщающие итоги строительства[6]. В ряде работ на первый план выдвигались экологические последствия гидростроительства[7]. В 1953–1955 гг. был защищён ряд кандидатских диссертаций, посвящённых руководящей роли коммунистической партии в строительстве Волго-Донского канала, его экономическим аспектам[8]. Все эти работы были выдержаны в идеологическом ключе и не затрагивали социальных последствий строительства – затопления территорий и переселения жителей.

Впервые системно проанализировал масштабы переселения, его пространственную организацию и социально-экономические последствия М.Н. Хромов. Он показал высокую плотность населения в зоне затопления; дальность переселения; укрупнение населённых пунктов; негативные

---

[2] Николаев А.С., Житков С.М. Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений торговых портов в России. СПб., 1900; Щербатов Н.Б. Волго-Донской водный путь: экономические и технические соображения об его устройстве. СПб., 1907; Пузыревский Н.П. Водное соединение рек Волги и Дона: исторические, экономические и технические сведения... СПб., 1912 и др.

[3] Волго-Донская водная магистраль: проект 1927–1928 гг. Выбор наивыгоднейшего варианта Волго-Донского канала. Вып. II / под ред. А.С. Аксамитного. Ростов-на-Дону, 1930; Волго-Донская водная магистраль. Проект 1927–1928 гг. Производство строительных работ на канале и Дону. Вып. X / под ред. А.С. Аксамитного. Ростов-на-Дону, 1930; Давидовский Я.Л. Волго-Донское соединение. М., 1937 и др.

[4] Сукачёв В.Н. Сталинский план преобразования природы. М., 1950; Ковда В.А. Великий план преобразования природы. М., 1952.

[5] Первенец великих строек коммунизма: Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина: статьи и очерки о строительстве Цимлянского гидроузла и оросительных систем. Ростов-на-Дону, 1952; Кудрявчикова В. Трудовые подвиги строителей Волго-Дона. М., 1954.

[6] Бернштейн-Коган С.В. Волго-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954; Волго-Дон: Технический отчет о строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина, Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений, 1949–1952: В 5 т. / гл. ред. С.Я. Жук. М., 1956–1958 и др.

[7] Панов Д.Г. Формы разрушения берегов Цимлянского водохранилища // Природа. 1956. № 8. С. 94–96; Авакян А.Б., Шарапов В.А. Роль водохранилищ в изменении природных условий. М., 1968; Авакян А.Б., Ромашков Е.Г. Рыбы штурмуют плотины. М., 1970 и др.

[8] Красавин В.С. Коммунистическая партия Советского Союза – организатор и вдохновитель строительства Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Самсонов Л.Н. Волго-Донской судоходный канал и его экономическое значение: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1953; Леонов И.Г. Коммунистическая партия в борьбе за создание великой стройки – Волго-Донского канала им. В.И. Ленина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Суслин С.Д. Коммунистическая партия в борьбе за строительство и освоение Волго-Донского судоходного канала им. В.И. Ленина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955 и др.

последствия, когда незатопляемые посёлки оказывались отрезанными от основной территории[9].

Постсоветская историография (с 1990-х гг.) отличается расширением круга исследуемых сюжетов, доступом к ранее засекреченным архивным фондам и утверждением антропологического подхода: от нарратива о «государстве-субъекте» исследователи перешли к нарративу о «человеке-участнике», сосредоточившись на личном опыте, культурной памяти и стратегиях выживания переселенцев.

Демографические процессы советской эпохи прослежены в коллективном труде «Население России в XX веке», изданном под редакцией Ю.А. Полякова. Во втором томе данного издания, подготовленном под редакцией В.Б. Жиромской, подробно показаны миграционные процессы, характерные для советского общества послевоенного времени, в том числе в сельской местности[10]. Общие демографические тенденции 1950–1960-х гг. раскрывает статья В.Б. Жиромской и Н.А. Араловец[11]. Итоги сельскохозяйственных переселений и другие демографические аспекты советской переселенческой политики изучила Н.В. Чернышева[12].

Н.И. Бусленко в пятитомном труде «Волго-Дон: слияние вод» дал периодизацию истории канала и критический анализ его последствий для среды обитания и рыбоводства[13]. Исследователи стали обращаться к нарративам ветеранов строительства[14].

Социальные и экологические проблемы региона, прежде всего судьба казаков бывших Первого и Второго Донских округов, рассмотрены в работе исследователей Южного научного центра РАН во главе с академиком Г.Г. Матишовым. Авторы показывают, как стройка повлияла на судьбу казаков, затрагивают процесс переселения семей и их адаптацию в новых условиях, отмечают, что в результате затопления церквей и кладбищ происходила гибель традиционной культуры[15].

---

[9] Хромов М.Н. Изменения в географии пунктов в связи с созданием Цимлянского водохранилища // Известия Всесоюзного географического общества. 1961. Т. 93. Вып. 1. С. 79–82.

[10] Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 2: 1940–1959 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2001.

[11] Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Тенденции социально-демографического развития СССР во второй половине 1950-х – 1960-е гг. // Уральский исторический вестник. 2026. № 2 (91). С. 102–111.

[12] Чернышева Н.В. Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945–1953 гг. (на материалах Кировской области) // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С.128–140; Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х – начала 1950-х гг.: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63–73 и др.

[13] Бусленко Н.И. Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. Документы. Комментарии. Мемуары. Беллетристика. В 5 кн. Ростов-на-Дону, 2011.

[14] Коблев И.И., Кривошей В.А., Шестаков В.Я. Волго-Донской судоходный канал. Волгоград, 2008 и др.

[15] Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону. Ростов-на-Дону, 2019.

Теоретическую основу для осмысления культурных последствий переселения дают работы О.В. Рвачевой о донском казачестве и процессах его возрождения в XX – начале XXI в. Предложенный автором взгляд на возрождение как сложное переосмысление и конструирование идентичности помогает увидеть в переселении не только административную и хозяйственную кампанию, но и фактор долгосрочной трансформации казачьей идентичности[16]. Проблема воздействия строительства канала на традиционную культуру на Среднем и Нижнем Дону рассматривается в статье Т.С. Рудиченко[17]. Переселение казачьих станиц из зон затопления и рефлексия переселенцев в отношении процессов разрушения повседневного микромира отражены в работе В.А. Агеевой, А.А. Волвенко и М.П. Мерзлякова[18]. Использование труда заключённых на строительстве Волго-Донского канала освещено в статье А.И. Кокурина и Ю.Н. Морукова, диссертации и монографии Е.Н. Свечниковой[19]. Не раз обращались к вопросам переселения и их последствиям авторы историко-краеведческих публикаций[20].

Следует отметить и работы, в которых анализируются проблемы переселения жителей при создании других советских водохранилищ[21]. Отражение негативных последствий советских гидроэнергетических проектов в мемориальных практиках анализирует Г.А. Янковская.[22]

Развитие зарубежной историографии имеет иную хронологию и тематическую направленность, обусловленную спецификой

---

[16] Рвачева О.В. Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ: дис. … д-ра ист. наук. Волгоград, 2022 и др.

[17] Рудиченко Т.С. Реализация проекта «Волго-Дон» и трансформация традиционной культуры // Южнороссийский музыкальный альманах. 2016. № 1 (22). С. 96–101.

[18] Агеева В.А., Волвенко А.А., Мерзляков М.П. Проблемы переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала в нач. 1950-х гг. через призму повседневности // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 166–170.

[19] Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья двадцать первая (Волго-Дон) // Свободная мысль. XXI. 2001. № 7. С. 97–118; Свечникова Е.Н. Использование труда заключённых на стройках послевоенных пятилеток: дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Она же. Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948-1953 гг. Волгодонск, 2009.

[20] Крюков П.А. Жили мы в хуторе Харсееве… // Донской временник. Год 2006-й. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 14. С. 247; Сигачев Г.В. От Волги до Дона шумят ковыли… // Донской временник. Год 2008-й. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 16. С. 151–154; Сивашов Н.П. Как живешь, станица, под водой? Цимлянск, 2011; Константинов А.А. Память сильнее времени. Волгодонск, 2015 и др.

[21] Бурдин Е.А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск, 2005; Он же. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М., 2011; Рябов Ю.В. Переселение жителей и перенос строений из зоны затопления водохранилища Братской ГЭС // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 6. С. 226–230; Он же. Решение вопроса выплаты компенсаций населению в районах сооружения Ангарских ГЭС // Вестник ИрГТУ. 2014. № 11 (94). С. 359–361; Чепель М.А. Подготовка ложа водохранилища Братской ГЭС под затопление первой очереди (1956–1961 гг.) // Вестник Братского государственного университета. 2014. № 1. С. 1–8 и др.

[22] Янковская Г.А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 119–131.

исследовательской традиции. Первые зарубежные публикации о Волго-Донском канале носили преимущественно информационно-географический характер и не затрагивали его социальных последствий[23]. Ряд работ посвящен ранним проектам соединения Дона и Волги, прежде всего попытке Османской империи построить канал в 1569 г.[24] В конце XX – начале XXI в. Волго-Донской канал стал изучаться в более широком контексте советской политики преобразования природы[25]. Вышли исследования, рассматривающие Волго-Донской канал в военно-стратегическом ключе[26], а также анализирующие аналогичные гидропроекты в других регионах СССР[27].

Таким образом, дореволюционный период характеризуется вниманием к технико-экономическому обоснованию проектов. Советская историография была сосредоточена на инженерных решениях, трудовом героизме и народнохозяйственном значении канала, а переселение рассматривалось как вспомогательная операция. Социальные издержки, психологическая травма и разрыв привычного уклада оставались за рамками изучения. Постсоветский период сделал переселение самостоятельной исследовательской проблемой, где главными стали субъективный опыт и адаптация людей. Расширение круга рассматриваемых вопросов произошло и в зарубежной историографии.

Тем не менее, в изучении переселения жителей в связи со строительством Цимлянского водохранилища остаются существенные пробелы. Существующая историография не даёт ответа на вопрос, как именно была выстроена вертикаль власти: отсутствует реконструкция системы управления переселением, не проведён ее сравнительный региональный анализ, не исследована институциональная адаптивность советской системы – как она реагировала на сбои, конфликты и неформальные практики переселенцев, действовала ли жёстко по заранее утверждённым планам или проявляла гибкость.

Объект исследования – зона затопления Цимлянского водохранилища в Ростовской и Сталинградской областях как пространство масштабной социально-экономической и демографической трансформации.

Предмет исследования – переселение из зоны затопления, его предпосылки, организация, правовое регулирование, компенсационные

---

[23] George P., Tricart J. La navigation intérieure en U.R.S.S. et le canal Volga-Don // Annales de Géographie. 1953. T. 62. No 330. P. 136–140; Warneck P.A. The Volga-Don Navigation Canal // The Russian Review. 1954. Vol. 13. No. 4. P. 285–291.

[24] İnalcık H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. 1948. C. 12, Sayı 47. S. 349–402 и др.

[25] Weiner D.R. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley; London, 1999; Josephson P.R. Totalitarian Science and Technology. 2nd ed. Amherst, New York, 2005 и др.

[26] Hibbs R.S. Significance of the Volga-Don Canal // Proceedings. 1956. Vol. 82. No. 6 (640). P. 640–650.

[27] Roberts F.A Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and "Fraternal Cooperation" on the Syr Darya // Ab Imperio. 2018. Vol. 2018. No. 2. P. 117–143; Fowkes M., Fowkes R. Megadams in the Hydrology of the Socialist Anthropocene // ARTMargins. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 11–38 и др.

механизмы по трём формам собственности, региональные различия, повседневный опыт и стратегии адаптации переселенцев.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение переселения населения и переноса строений в ходе создания Цимлянского водохранилища и строительства Волго-Донского судоходного канала в 1948–1952 гг., а также его экономических и социально-психологических последствий.

Исходя из поставленной цели, в работе решаются следующие **задачи**:

1. Показать, как развивался проект Волго-Донского водного пути: от идеи соединить реки в целях транспортного сообщения до создания комплексного гидротехнического сооружения, которое должно было решать задачи судоходства, получения электроэнергии и орошения земель.

2. На основе анализа архивных документов различных уровней реконструировать вертикаль управления переселением: выявить распределение полномочий и механизмы взаимодействия между союзным (Министерство внутренних дел (далее – МВД) СССР), ведомственным («Волгодонстрой») и региональным (облисполкомы и райисполкомы) уровнями на всех этапах подготовительных и переселенческих работ.

3. С привлечением финансово-учётной документации и актов оценочных комиссий из региональных архивов детализировать экономический механизм переселения: проанализировать процедуру инвентаризации и оценки имущества (дифференцированно для индивидуальных владельцев, колхозов и государственных учреждений), определить размеры и порядок выплаты компенсаций, изучить логистику и затраты на перевозку и восстановление жилого и хозяйственного фонда на новых местах.

4. Проанализировать комплекс подготовительных работ по освобождению дна будущего водохранилища (лесоочистка, санитарная подготовка, перенос инфраструктуры), определить их масштаб в разрезе областей, районов и видов объектов и оценить влияние на сроки и организацию переселения.

5. Реконструировать динамику переселения жителей в 1949–1951 гг. по этапам (подготовительный, массовый, завершающий), областям и районам, выявить факторы, определявшие темпы работ (транспорт, обеспеченность материалами и водой).

6. Проанализировать форсированное завершение переселения в 1951 г., сопоставив нормативные предписания с практикой их исполнения на местах, выявить формы и причины срывов в управлении переселением.

7. Осуществить сравнительный анализ переселенческого процесса в Ростовской и Сталинградской областях, выявить детерминанты региональных различий в динамике, масштабах и качестве проводимых работ, уделив внимание природно-географическим факторам и специфике управленческой организации.

8. Реконструировать повседневные практики и субъективный опыт переселенцев на основе архивных документов, устных интервью и литературных произведений; выявить социально-психологические последствия переселения: стратегии адаптации, формы реакции на утрату и особенности формирования коллективной памяти об утраченной малой родине.

Хронологические рамки исследования охватывают 1948–1952 гг. Нижняя граница – Постановление Совета Министров (далее – СМ) СССР № 480-183с от 27 февраля 1948 г. о строительстве Волго-Донского судоходного канала и переселении жителей; верхняя – завершение основных переселенческих и инженерных работ в зоне Цимлянского водохранилища. Однако в первой главе автор вышел за хронологические рамки работы, чтобы рассмотреть исторические и нормативные предпосылки переселения жителей.

Территориальные рамки ограничены районами Ростовской и Сталинградской (ныне Волгоградской) областей, в которых были сосредоточены все населённые пункты, подлежавшие затоплению, подтоплению или изъятию под строительные нужды, а также все новые поселения, созданные для размещения переселенцев: Цимлянский, Дубовский и Романовский (Ростовская область); Калачёвский, Нижне-Чирский, Чернышковский, Котельниковский, Ворошиловский и Кагановичский (Сталинградская область).

Методология исследования. Теоретико-методологическую основу составляют принципы историзма, научности, объективности и системности. Историзм требует рассматривать переселение как процесс, обусловленный конкретной эпохой, и оценивать принятые тогда решения в контексте 1949–1952 гг. Научность заставляет делать выводы на верифицируемых архивных источниках, сверять данные интервью и литературных текстов с документами, разграничивая установленное и гипотетическое. Объективность выражается в непредвзятом отношении и к действиям государственных органов, и к опыту жителей. Системность позволяет рассматривать переселение как элемент взаимосвязанных инженерно-строительных, землеустроительных, санитарных и социально-адаптационных процессов, которыми управляли не всегда согласованные структуры, и

объяснять сбои организационной разобщённостью и институциональным вакуумом.

Ключевой теоретической рамкой выступает антропологический подход, акцентирующий внимание на субъективном опыте, культурной памяти и повседневных практиках, что позволяет представить переселение как сложный социально-психологический феномен. Наряду с этим использовался институциональный анализ вертикали управления – от СМ СССР до районных оценочных комиссий.

Для решения поставленных задач использован комплекс различных методов: общенаучных (анализ и синтез, сравнение и сопоставление, статистический, моделирование, классификация и типология) и специальных (историко-сравнительный, хронологический, периодизации, диахронный и синхронный анализ, исторического описания, историко-правовой, контент-анализ, источниковедческий анализ; сравнительно-текстологический).

Методы устной истории реализованы в форме опросов участников и очевидцев переселения (свободные беседы по единому опроснику из 63 вопросов в 10 тематических блоках, с видеозаписью, расшифровкой и тематическим кодированием). В интервью выявлены ключевые сюжеты: работа оценочных комиссий, компенсации, перевозка домов, условия жизни на новом месте, утрата хозяйства и культурного ландшафта, психологическая травма, взаимопомощь, утрата культурной памяти (затопленные кладбища, разрушенные церкви).

Инструменты искусственного интеллекта применялись как вспомогательные: для автоматизированной обработки корпуса устных интервью (первичной группировки тем в транскриптах), систематизации упоминаний в литературных произведениях, в верификации и систематизации архивных данных. Все данные и интерпретации сверены вручную с документами и текстами интервью.

Источниковая база. В ходе работы наряду с опубликованными источниками изучены 48 архивных дел из 6 архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и муниципального архива Цимлянского района. Документы относятся к 1946–1951 гг. и созданы органами власти всех уровней: от СМ СССР до сельских советов.

Официальные документы распределены по четырём блокам:

1) нормативные акты высших органов власти: постановления Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) СССР № 668 от 5 июня 1940 г., СМ СССР № 480-183с от 27 февраля 1948 г., № 1978-748с от 18 мая 1949 г., № 5060 от 27 декабря 1950 г., задававшие стратегические рамки проекта: сроки строительства, объёмы финансирования, распределение ответственности между ведомствами, правовые основания и процедуры переселения;

2) директивные документы, исходившие от вышестоящих органов власти и адресованные нижестоящим исполнителям. Эти документы конкретизировали союзные директивы применительно к территории Ростовской и Сталинградской области;

3) отчётно-информационные документы, поднимавшиеся по вертикали снизу вверх – от районов в область, от области в центр, от исполнителей к руководителям. Эти документы фиксировали положение дел на местах, вскрывали проблемы и сбои в реализации директив: письма министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и начальника «Гидропроекта» С.Я. Жука И.В. Сталину и Л.П. Берии (с данными о масштабах затопления), докладные записки инспекторов Главного переселенческого управления при СМ СССР, отчёты переселенческих отделов облисполкомов, справки райкомов, жалобы с мест;

4) документы районного и локального уровня: решения райкомов и райисполкомов, протоколы колхозных собраний, оценочные акты и технические проекты. Они фиксируют повседневную работу и показывают переселение не через призму сверху спущенных директив, а глазами непосредственных организаторов и исполнителей на местах.

Следующую группу источников составили 15 транскрибированных интервью с очевидцами переселения (16 респондентов), записанные автором в 2016–2024 гг. в Цимлянском районе. Они фиксируют неформальные практики и стратегии адаптации переселенцев.

Наряду с этим использовалась периодическая печать 1948–1952 гг.: изучено около 9,9 тыс. номеров центральных и региональных газет («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Сталинский сокол», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец», «Труд», «Молот» (Ростовская область), выявлены 27 публикаций, в которых переселение жителей при создании Цимлянского водохранилища характеризовалось как позитивный, плановый процесс: в центре внимания были героизация труда, рекорды, роль партии и всенародная помощь, а реальные трудности почти не упоминались.

Отдельную группу источников составляют литературные произведения участников и очевидцев рассматриваемых событий: романы А.В. Калинина «Запретная зона» и В.Д. Фоменко «Память земли». Основанные на личных наблюдениях и документах, эти тексты помогают восстановить субъективное восприятие событий и повседневную жизнь, которые не находят отражения в официальных документах.

Источниковая база позволяет реконструировать переселение на всех уровнях – от государственной политики до субъективного восприятия очевидцев – и решить поставленные задачи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Переселение жителей было не вспомогательной операцией, а самостоятельным и нормативно закреплённым элементом Волго-Донского гидротехнического проекта. Цимлянское водохранилище (1948–1952 гг.) создавалось для комплексного использования водных ресурсов: транспорта, энергетики и ирригации. Ради этого было переселено 13 718 хозяйств из 164 населённых пунктов, попавших в зону затопления, подтопления и строительства.

2. Централизованная нормативная база задавала сроки и распределяла обязанности, но не обеспечивала согласованности переселения: между предписаниями и практикой возникали системные расхождения, приводившие к срывам. Ответственность размывалась между ведомствами, отсутствие единого исполнителя, отвечавшего за конечный результат, приводило к институциональному вакууму, что особенно заметно при переносе школ, больниц и МТС, а также при разрыве между вывозом и восстановлением домов.

3. Региональные различия в ходе переселения были обусловлены сочетанием природно-географических, ресурсных и административных факторов. В регионах сформировались разные сценарии развития событий. В Ростовской области возник так называемый «кризис недостатка», выражавшийся в нехватке ресурсов (воды, социальных объектов) и незавершенности строительства, но при сохранении общего контроля над процессом. В Сталинградской области в некоторых местах ситуация описывается как «кризис отсутствия»: он включал в себя проблемы с водоснабжением новых населенных пунктов, вынужденную остановку переселенческих процессов и сбои в координации местных органов власти. Эти расхождения отразились на ходе работ в 1950 г., но не повлияли на окончательный результат: к 15 августа Ростовская область уже выполнила годовой план, а Сталинградская к тому времени восстановила 32,9% домов

от годового задания; к лету 1951 г. население из зоны затопления было вывезено в обеих областях.

4. Порядок компенсации и восстановления зависел от формы собственности. Выплаты за личное и колхозное имущество, поставки стройматериалов и кредитную поддержку организовывал «Волгодонстрой». Восстановление государственных объектов шло иначе: оно зависело от ведомственного финансирования и решений министерств. В результате жильё нередко строилось быстрее, чем восстанавливались социальные учреждения.

5. Реализация программы переселения включала не только административные меры, но и повседневные практики адаптации. Из-за задержек в строительстве, нехватки воды и слабо развитой инфраструктуры переселенцы выработали разные стратегии: временно жили у родственников и знакомых, сами обустраивали жилье, помогали друг другу. Эти практики показывают, что население было не только объектом государственной политики, но и активным участником процесса адаптации.

6. Переселение имело долгосрочные социально-психологические последствия, выходившие за рамки утраты имущества. По свидетельствам переселенцев, острее всего переживались разрыв родовых связей (невозможность перенести кладбища и храмы), распад соседских и общинных связей, затяжной стресс из-за отсутствия жилья (особенно у пожилых и многодетных семей), чувство отчуждения при виде утраченных угодий. Реакцией стал не открытый протест, а пассивное сопротивление («сидели до воды») и практики символического освоения нового места, а в долгосрочной перспективе – формирование коллективной памяти об утраченной малой родине и переосмысление локальной идентичности.

Научная новизна исследования определяется комплексным подходом к переселению при создании Цимлянского водохранилища, что позволяет рассматривать его как многоплановое демографическое, административное, социально-экономическое и социокультурное явление. Полученные результаты соответствуют следующим направлениям исследований в рамках специальности 5.6.1 «Отечественная история».

1. Проведен системный сравнительный анализ переселения в Ростовской и Сталинградской областях (п. 28 «Историческая демография России»). Сопоставлены и систематизированы масштабы и итоги кампании в 164 населённых пунктах, где было 17 239 дворов, из которых к переселению подлежали 13 718 хозяйств. Выявлены региональные различия в выполнении плановых показателей, выразившиеся в двух типах кризиса: «кризисе недостатка» (Ростовская область – хроническом дефиците при сохранявшейся

управляемости) и «кризисе отсутствия» (отдельные пункты Сталинградской области, где не было условий для переселения – перенос дворов на площадки без питьевого источника, сбои в работе местных органов). Установлено, что реакция центра различалась в зависимости от ситуации: если она оставалась под контролем, хватало обычных административных мер, когда возникала угроза срыва сроков, усиливались проверки, требования к отчётности и персональная ответственность руководителей.

2. Реконструирована многоуровневая система управления переселением на основе архивных материалов (п. 4 «История взаимоотношений власти и общества») – от СМ СССР и центральных ведомств до местных органов власти, хозяйственных организаций и оценочных комиссий. Выявлены зоны ответственности и ведомственные разрывы, возникавшие при переносе школ, больниц, МТС и других объектов инфраструктуры. Для описания ситуаций, когда обязанности распределялись между несколькими учреждениями без закрепления конкретного исполнителя за конечный результат, введён термин «институциональный вакуум». Разработана периодизация переселения: подготовительный (1948–1949 гг.), основной (1949–1951 гг.) и завершающий (1951–1952 гг.) этапы.

3. Проведен комплексный анализ компенсационных механизмов для личной, колхозной и государственной собственности (п. 3 «Социально-экономическая политика государства и её реализация», и п. 11 «Социальная политика государства»). Выявлен институциональный разрыв: граждане и колхозы получали гарантированное финансирование через «Волгодонстрой» (двухэтапные выплаты, стройматериалы, кредиты), тогда как школы, больницы и МТС зависели от смет профильных министерств. Эта разница в источниках ресурсов обусловила определенную неравномерность восстановительных процессов: темпы жилищного строительства зачастую опережали создание социальной инфраструктуры. Детально проанализированы система социальных гарантий и экономические последствия переселения – потеря угодий, трансформация хозяйственного уклада жизни переселенцев.

4. В научный оборот введены и системно проанализированы 15 интервью с переселенцами и очевидцами событий (п. 6 «История повседневной жизни», п. 7 «История развития различных социальных групп»). Реконструирован субъективный опыт переселения: проживание в землянках, очереди за водой, утрата садов, практики взаимопомощи. Установлено, что системный перенос с эксгумацией предусматривался только для братских могил воинских захоронений, а гражданские кладбища, как правило, не переносились и оставались под водой. Переселение осмысливалось как

культурная травма – утрата малой родины, разрыв социальных связей, трансформация идентичности.

5. Разработан комплексный подход к изучению переселения, сочетающий количественный и качественный анализ: статистика сопоставлена с архивными документами, устными интервью и материалами о повседневной жизни, что позволило связать административные решения с их реальными последствиями.

Теоретическая значимость заключается в уточнении подходов к изучению организованных переселений в рамках крупных инфраструктурных проектов советского периода. Переселение жителей рассматривается как многоуровневый процесс, в котором взаимодействуют государственное планирование, органы власти разных уровней, ведомственные механизмы, экономические отношения, региональные условия и повседневный опыт населения.

1. Уточнены подходы к изучению советской административной системы: её работу следует оценивать не только как строгую вертикаль, но и через соотношение центральных указаний с условиями на местах с учётом обратной связи, объективных ограничений исполнителей и ведомственных разрывов.

2. Предложен понятийный инструментарий для анализа управленческих кризисов: выделены «кризис недостатка» (дефицит ресурсов при сохранении управляемости) и «кризис отсутствия» (отсутствие базовых условий в отдельных пунктах), введено понятие «институционального вакуума». Данные понятия могут быть применимы к другим переселенческим кампаниям и проектам.

3. Обоснован многофакторный подход к изучению переселения и его региональной неоднородности, объединяющий анализ управленческих структур, правовых норм, механизмов компенсации, локальных условий и субъективного опыта населения; он выводит переселение за рамки демографической или технической операции.

4. Предложен способ анализа региональных различий в переселении, учитывающий не только централизованные решения, но и местные условия. Это даёт опору для сравнения переселенческих процессов в разных административных, природных и хозяйственных условиях.

5. Расширены возможности социальной истории и истории повседневности: сопоставление документации с устными свидетельствами выявляет расхождения между нормативным порядком и восприятием переселения, его влияние на социальные связи, локальную идентичность и коллективную память.

6. Обоснована продуктивность сочетания количественного и качественного анализа: архивная статистика определила масштабы переселения, устные источники раскрыли его восприятие населением, что позволило трактовать переселение как управленческий, социально-экономический и социокультурный процесс.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования её материалов, выводов и подходов в научной, образовательной, музейной и архивной деятельности:

1. В научно-исследовательской работе – при анализе социальной и экономической истории послевоенного СССР, в исторической демографии, при изучении механизмов функционирования советской административной системы и переселенческой политики государства;

2. В компаративных исследованиях – для сравнительного изучения переселенческих кампаний в СССР и анализа того, как центральные директивы преломлялись через региональные условия;

3. В источниковедческих и междисциплинарных исследованиях – опыт сопоставления архивных документов, статистики, устных интервью и литературных произведений, а также применения цифровых инструментов для проверки данных и анализа массива интервью;

4. При анализе социальных последствий крупных инфраструктурных проектов – возможность проследить, как переселение, компенсации и готовность социальной инфраструктуры влияют на адаптацию населения;

5. В образовательной деятельности – при разработке курсов по отечественной и региональной истории, социальной истории, истории повседневности и исторической демографии, на семинарских и практических занятиях по методам работы с историческими документами;

6. В музейной, архивной и краеведческой работе – в экспозиционных проектах, краеведческих публикациях и просветительских программах о Цимлянском водохранилище, Волго-Донском канале и переселении из зон затопления;

7. В историко-мемориальной деятельности – для фиксации устных свидетельств переселенцев, сбора сведений об исчезнувших населённых пунктах и включения истории переселения в проекты памяти.

Рабочая гипотеза. Переселение было не вспомогательной операцией, а самостоятельной составляющей Волго-Донского проекта и сложным социально-управленческим процессом, в котором централизованные планы вступали в противоречие с условиями на местах. Ключевым фактором сбоев стал «институциональный вакуум». Региональные различия определялись сочетанием природно-географических, ресурсных и административных

факторов и тем, при каком пороге трудностей (прежде всего при угрозе срыва сроков ввода объекта) вмешивался центр.

Достоверность и обоснованность результатов диссертации обеспечена репрезентативной источниковой базой, ее комплексным источниковедческим анализом (на основе единых принципов, с проверкой на аутентичность, полноту и репрезентативность), применением апробированных общенаучных и специальных методов, сопоставлением центральных директив с местными отчётами, позволившим выявить расхождения между нормативными предписаниями и реальным ходом событий. Выводы согласуются с данными предшествующих исследований, уточняя и дополняя их за счёт нового архивного материала, устных источников и сравнительного анализа.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история, направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика государства и её реализация; 4. История взаимоотношений власти и общества; 6. История повседневной жизни; 7. История развития различных социальных групп; 11. Социальная политика государства; 28. Историческая демография России.

Апробация темы исследования. Основные положения диссертации нашли полное отражение в 14 научных работах автора общим объёмом 6,13 печатных листа (авт. текст – 5,63 п.л.). Из них 4 статьи опубликованы в изданиях из перечня ВАК общим объёмом 2,5 п.л., авт. вклад – 2,1 п.л.

Основные положения и выводы настоящего исследования были представлены автором на 9 международных, всероссийских и региональных конференциях: Всероссийская молодёжная научная школа-конференция «Исторические события как фактор формирования этнической идентичности» (Уфа, 17–18 марта 2022 г.); XVIII Ежегодная молодёжная научная конференция «Наука Юга России: достижения и перспективы» (Ростов-на-Дону, 18–29 апреля 2022 г.); III Международная научно-практическая конференция «Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв.» (Саратов, 14 декабря 2022 г.); XXV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Международная безопасность и российская армия: история и современность» (Москва, 19 апреля 2023 г.); XIX Ежегодная молодёжная научная конференция «Достижения и перспективы научных исследований молодых учёных Юга России» (Ростов-на-Дону, 17–28 апреля 2023 г.); II Региональная научно-практическая конференция «Изучение и сохранение исторических некрополей» (Таганрог, 26–27 октября 2023 г.);

XX Всероссийская ежегодная молодёжная научная конференция с международным участием «Наука Юга России: достижения и перспективы» (Ростов-на-Дону, 15–26 апреля 2024 г.); III Всероссийская научно-практическая конференция «Изучение и сохранение исторических некрополей» (Таганрог, 14–15 ноября 2024 г.); IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Изучение и сохранение исторических некрополей» (Таганрог, 30–31 октября 2025 г.).

Материалы используются в практике работы автора в Таганрогском институте им. А.П. Чехова (филиале) РГЭУ (РИНХ) при чтении курсов: новейшая история России, устная история, история повседневности, политика памяти.

Работа обсуждена и рекомендована к защите на кафедре исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (протокол № 10 от «23» июня 2026 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (по четыре параграфа в каждой), заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, дан обзор историографии, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризованы хронологические и территориальные рамки, раскрыта методологическая основа и источниковая база, указаны положения, выносимые на защиту, новизна, теоретическая и практическая значимость, а также апробация работы.

Глава 1 «Исторические и организационно-нормативные предпосылки переселения» – состоит из четырёх параграфов и посвящена анализу предыстории проекта, правового регулирования, механизмов компенсации и масштабов подготовительных работ.

В ***параграфе 1.1 «Проектирование Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища»*** прослежена эволюция проектов соединения Волги и Дона с конца XVI в. до советских разработок. Из трёх рассматривавшихся направлений (северного, среднего и южного) наиболее рациональным признан коридор Калач – Царицын. Дореволюционные проекты оставались в рамках транспортного дискурса; в советский период утвердился принцип комплексного использования водных ресурсов. Проект А.С. Аксамитного (1927–1928 гг.) впервые предложил строительства водохранилища на Дону с плотиной у хутора Кумовского, но не был принят из-за малой орошаемой площади и сомнений в целесообразности создания ГЭС. Постановление СМ СССР от 27 февраля 1948 г. утвердило

строительство с плотиной у станицы Цимлянской и определило географию зоны затопления и переселения, став основой массового переселения.

В ***параграфе 1.2 «Нормативная база и система управления переселением»*** проанализированы ключевые правовые акты. Прецедентной основой стало Постановление СНК СССР № 668 от 5 мая 1940 г.; постановления СМ СССР № 480-183с (1948 г.) и № 1978-748с (1949 г.) объявили строительство задачей «общесоюзного значения», установили срок завершения переселения – 1 октября 1951 г. – и объём – 7 тыс. хозяйств на 1950 г[28]. Реконструирована система управления: центр (СМ СССР, МВД в лице «Волгодонстроя», Главное переселенческое управление), республиканский, областной и местный уровни. Выявлены слабые места: отсутствие обязательной гидрогеологической экспертизы, занижение плановых показателей, распыление ответственности за государственные учреждения.

В ***параграфе 1.3 «Правовой статус и возможности компенсации различных видов собственности»*** рассмотрены механизмы возмещения убытков. Граждане получали компенсацию через «Волгодонстрой»: выплату в два этапа (50 % авансом после утверждения акта оценочной комиссии, 50 % после перевозки материалов) [29], фондовые стройматериалы (лес, гвозди, стекло, кровельное железо), кредиты до 6 тыс. руб. на семью[30] и освобождение от налогов и государственных поставок на 2 года. Колхозы переселялись на принципах хозяйственной самостоятельности при государственной поддержке: через долгосрочные кредиты (до 10 лет) [31], компенсацию за непереносимые объекты (клубы, школы, фермы, склады, мельницы) и техническое руководство «Сельстроя»; реорганизация допускалась в трёх формах – полное переселение с ликвидацией, частичное переселение с доприселением и слияние хозяйств. Переносимые строения восстанавливались силами самих колхозов. Перенос государственных объектов (школы, больницы, МТС) возлагался на министерства по отдельным сметам, что создало «институциональный вакуум» и разрыв между жилищным и социальным обустройством. Возник замкнутый круг: «Волгодонстрой» отказывался выделять материалы государственным учреждениям, а министерства не покрывали расходы из собственных фондов.

В ***параграфе 1.4 «Масштаб работ по подготовке переселения в разрезе областей, районов и видов объектов»*** приведены количественные параметры проекта. Площадь затопления и подтопления составила 275–

---

[28] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51а. Д. 5049. Л. 164–168; РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 811. Л. 12.
[29] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 822. Л. 140–142.
[30] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 806. Л. 21; Д. 811. Л. 25–26.
[31] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 806. Л. 21.

335 тыс. га; в зону попали 164 населённых пункта с 17 239 дворами, из которых 13 718 (79,6 %) подлежали переселению (в Ростовской области – 5 056 дворов или 97,7 %; в Сталинградской – 8 662 или 71,8 %). Основной причиной было затопление (83,6% дворов), также подтопление (9,5 %) и строительная площадка (4,0 %). К переносу планировалось 519 объектов инфраструктуры в Ростовской области и 1 125 – в Сталинградской.

Глава 2 «Переселение жителей и его последствия» состоит из четырёх параграфов и посвящена динамике переселения и его форсированному завершению в 1951 г., сравнительному анализу переселенческого кризиса в Ростовской и Сталинградской областях и повседневным практикам переселенцев.

В ***параграфе 2.1 «Динамика переселения жителей в 1949–1951 гг.»*** реконструирована поэтапная реализация планов. В 1949 г. задания были сорваны в обеих областях (Ростовская выполнила, по разным данным, 62,6–70,4 %, Сталинградская – 40,4–43,0 %[32]) из-за неготовности инфраструктуры. В 1950 г. Ростовская область выполнила план (3 379 хозяйств из 3 363, 100,5%[33]), Сталинградская – переселила 6 020 семей[34]. Но переселение шло с системными сбоями: на 1 июля 1950 г. в Сталинградской области было восстановлено лишь 49,9 % перевезённых домов, к 1 октября построено 96 из 348 колодцев (27,6 %)[35] (по итогам года – 134 (38,5 %); в Ростовской области в 1949 г. построено 33 из 87 колодцев (38 %), а поставки леса составили лишь 7,6 % планового задания Облпотребсоюза[36]. Причинами сбоев стали хронический дефицит материалов, использование малочисленного транспорта в других сельскохозяйственных работах и транспортная недоступность новых посёлков, отстоявших от железнодорожных станций на 20–30 км; ошибочными оказались и гидрогеологические расчёты – «харьковские грунты» залегали глубже 70 м, и традиционные методы создания колодцев оказались бесполезными. Валовые показатели 1950 г. выглядели благополучно, но разрыв между перевозкой домов и их восстановлением не был преодолён.

В ***параграфе 2.2 «Форсированное завершение переселения в 1951 г.»*** показан завершающий этап перемещения жителей, социальной и хозяйственной инфраструктуры. В Ростовской области вывоз домов завершён к 1 июля 1951 г. (450 хозяйств, 100 % плана), но восстановлено

---

[32] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 470. Л. 4, 7; Д. 806. Л. 1; ЦДНИВО. Ф. Р-113. Оп. 30. Д. 212. Л. 7.
[33] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 822. Л. 198–199.
[34] ЦДНИВО. Ф. Р-113. Оп. 35. Д. 270. Л. 9–10.
[35] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 822. Л. 202.
[36] ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–3. Д. 75. Л. 8.

лишь 74,4 %[37]; из 303 общественных строений перенесено 204 (67,3 %), восстановлено 86[38]. В станице Баклановской пять колодцев давали всего 150–200 л воды в сутки, в хуторе Альдобульском воду возили на расстояние в 0,5–1 км[39]. В Сталинградской области план 1951 г. вырос с 1 500 до 3 646 семей; к 20 мая переселено 1 078 семей, из 845 перевезённых домов восстановлено 333. В станице Нижне-Чирской и хуторе Самодуровка дворы переносились на площадки без питьевого источника. К 1 октября 1951 г. в Сталинградской области переселено 10 515 семей[40]. Формальное освобождение зоны затопления было достигнуто ценой хронической незавершённости обустройства: вопросы сборки вывезенных домов, переноса школ, больниц и административных зданий, колодезного строительства и качества воды перешли на 1952 г., когда водохранилище уже начало заполняться.

В ***параграфе 2.3 «Сравнительный анализ действий руководства в решении проблем переселения жителей в Ростовской и Сталинградской областях»*** сопоставлены административные практики управления в двух регионах. В Ростовской области сложился «кризис недостатка»: вода была, но в дефиците, дома были перевезены, но многие оставались не собраны. Центр реагировал обычными административными мерами – постановлением СМ РСФСР от 7 марта 1950 г. № С-635 (выделение 5 грузовиков, 275 т бензина, 160 т цемента, 1 млн руб. капиталовложений[41]), поддержкой базисных складов, а проверка 1951 г. сочла достаточным ограничиться принятыми облисполкомом мерами. В Сталинградской области наряду с «кризисом недостатка» в отдельных пунктах (Нижне-Чирская, Самодуровка) возник «кризис отсутствия»: дворы переносились на площадки без питьевого источника (в Самодуровке четыре шахтных колодца глубиной 20 м упёрлись в камень без водоносного горизонта), в хуторах Варваровка, Гавриловка и Цибенко, напротив, переселение не начиналось до появления воды. Вопрос вышел на уровень ЦК ВКП(б) и СМ СССР (последовало обращение секретаря обкома И.Т. Гришина напрямую к Л.П. Берии и Г.М. Маленкову в марте 1951 г.[42], заключение госсанинспектора в сентябре о невозможности предъявить чашу водохранилища приёмочной комиссии[43]) вследствие угрозы срыва сроков ввода канала и невыполнения годового объёма работ. Различие

[37] ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 1. Д. 82. Л. 10.
[38] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 553. Л. 3; ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 1. Д. 75. Л. 6–7. Д. 82. Л. 5–6.
[39] ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 1. Д. 75. Л. 15. Д. 82. Л. 20; РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 553. Л. 4.
[40] ЦДНИВО. Ф. Р-113. Оп. 35. Д. 270. Л. 6–7, 9–10.
[41] РГАЭ. Ф. Р-5675. Оп. 1. Д. 553. Л. 9–10.
[42] ЦДНИВО. Ф. Р-113. Оп. 33. Д. 270. Л. 20–21, 41. Д. 281. Л. 42–43.
[43] ЦДНИВО. Ф. Р-113. Оп. 35. Д. 58. Л. 7.

между областями определялось не столько эффективностью местных аппаратов, сколько порогом, за которым вмешивался центр.

В ***параграфе 2.4 «Практики обустройства и повседневные проблемы переселенцев на новом месте»*** на основе интервью реконструирован субъективный опыт переселенцев. Разрыв между перевозкой домов и их сборкой вынуждал семьи жить в летних кухнях, землянках и шалашах и «зимовать у друзей, у кумовьев». Нехватка пригодного жилья в первые годы была не только бытовой трудностью, но и постоянным фактором стресса, особенно для пожилых людей и многодетных семей; основным способом выживания стали неформальные механизмы – временное подселение по личным договорённостям, взаимопомощь. Не менее острой оказалась продовольственная проблема: переселение лишило семьи речки и огорода. Воду приходилось добывать из колодцев глубиной 20–30 м (вместо 2–3 м на прежнем месте) и стоять в очередях. Смена ландшафта – «голая степь, полынь и змеи» вместо садов и речек – воспринималась как утрата привычной среды; перевозка деревьев со старых хуторов стала актом «одомашнивания» нового места и выполняла двойную функцию – хозяйственную и символическую. Особой травмой была утрата кладбищ, оставшихся под водой. Формальных отказов от переселения не зафиксировано, но практиковалось пассивное сопротивление – «сидели до воды»: поведение переселенцев было не протестом, а рациональной отсрочкой в условиях, когда открытое сопротивление влекло юридические последствия. В официальных отчётах такие случаи не отражались. Успешность адаптации определялась прежде всего взаимопомощью и сохранением общинных связей.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы:

1. История проектирования Волго-Донского водного пути насчитывает столетия; перелом наступил в советский период, когда акцент сместился с транспортных задач на комплексное использование водных ресурсов. Окончательное решение принято постановлением СМ СССР от 27 февраля 1948 г., ставшим основой массового переселения.

2. Переселение было юридически оформленным и централизованно управляемым государственным проектом. Оно опиралось на постановления СМ СССР № 480-183с (1948 г.) и № 1978-748с (1949 г.) и на прецедентное законодательство. Функционировала многоуровневая система управления (центр, республиканский, областной и местный уровни); пособия и работы по переселению финансировались через «Волгодонстрой» МВД СССР независимо от местных бюджетов.

3. Единая нормативно-расчётная база (типизация строений, единые расценки 1949 г.) делала оценки имущества сопоставимыми, но создавала лишь видимость равенства условий. В зависимости от формы собственности действовали разные компенсационные механизмы: граждане получали полную компенсацию через «Волгодонстрой», колхозы переселялись на началах хозяйственной самостоятельности при государственной поддержке, а государственные учреждения – по отдельным ведомственным сметам. Так возник «институциональный вакуум»: жильё восстанавливалось быстрее, чем школы, больницы и МТС.

4. Переселение развернулось в три этапа – подготовительный (1948–1949 гг.), основной (1949–1951 гг.) и завершающий (1951–1952 гг.) – и уже в ходе реализации обнажились системные кризисы: дефицит материалов, разрыв между перевозкой и восстановлением домов, отвлечение транспорта, ошибки гидрогеологических расчётов, срывы колодезного строительства. К лету 1951 г. зона затопления формально освобождена, однако количественные показатели не отражают реальных условий обустройства.

5. Сопоставление областей позволяет говорить о двух режимах реализации единой программы. В Ростовской области возник «кризис недостатка»: план к 1 января 1951 г. выполнен, но очереди у колодцев, солоноватая вода и недостроенные объекты сохранялись; центр реагировал снабженческими мерами. В Сталинградской области в большинстве районов «кризис недостатка» был острее, а в отдельных пунктах возник локальный «кризис отсутствия». Принципиальное различие регионов лежит не в эффективности местных аппаратов, а в институциональном пороге: чрезвычайные меры центра были реакцией на угрозу срыва сроков ввода канала, а не на выявленное безводье.

6. Устные источники показывают, что переселенцы не были пассивными объектами политики: дефицит жилья, материалов и рабочей силы вынуждал их вырабатывать стратегии выживания – взаимопомощь, самообустройство, озеленение. В интервью устойчиво проступает нарратив культурной травмы – утраты дома, садов, кладбищ и соседских связей.

Полученные выводы открывают перспективы дальнейших исследований: сравнительного анализа переселенческих практик при строительстве других гидроузлов, изучения долгосрочных социально-экономических и экологических последствий затопления сельскохозяйственных угодий, а также более глубокого анализа механизмов формирования коллективной памяти о принудительном переселении.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. *Капканов Е.Н.* Образ Волго-Донского канала в советском научном и научно-техническом дискурсе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 12 (129). С. 2692–2699. – 0,5 п.л.

2. *Капканов Е.Н.* Строительство Волго-Донского канала в постсоветской историографии: новые подходы, источники и нарративы // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 11 (123). С. 4294–4305. – 0,75 п.л.

3. *Дзюбан В.В., Бедретдинова Л.Н., Капканов Е.Н.* Волго-Донской канал: в поисках теорий возникновения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 11 (128). С. 2203–2212. – 0,62 п.л. (авт. вклад – 0,21 п.л.).

4. *Капканов Е.Н.* Организация переселенческой кампании в ходе создания Цимлянского водохранилища (1948–1952 годы) в Ростовской и Сталинградской областях: компаративный анализ // Научная мысль Кавказа. 2026. № 2. С. 89–96. – 0,63 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

5. *Капканов Е.Н.* «Там сейчас плещутся воды Цимлянского моря...»: переселения жителей при строительстве Волго-Донского канала // Русский архив. 2021. № 9(1). С. 93–109. – 1,01 п.л.

6. *Капканов Е.Н.* Переселение хутора Челбин в 1948-1949 гг.: по воспоминаниям его жителей // Наука Юга России: достижения и перспективы: XVIII Ежегодная молодежная научная конференция: тезисы докладов (Ростов-на-Дону, 18–29 апреля 2022 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. С. 170. – 0,2 п.л.

7. *Кальниченко В.Н., Капканов Е.Н.* Религиозная жизнь станиц и хуторов Нижнего Дона: от религиозного «ренессанса» к «ликвидации эксплуататорских классов» // Исторические события как фактор формирования этнической идентичности: Материалы семинара, проведенного в рамках Всероссийской молодежной научной школы-конференции (Уфа, 17–18 марта 2022 г.). Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 167–172. – 0,19 п.л. (авт. вклад – 0,9 п.л.).

8. *Капканов Е.Н.* Переселение жителей из зоны затопления в ходе строительства Волго-Донского канала: реализация союзных решений Ростовским обкомом партии // Угрозы и риски на Юге России в условиях геополитического кризиса. Достижения и перспективы научных исследований молодых ученых Юга России: Материалы XIX Всероссийской с международным участием Ежегодной молодежной научной конференции, (Ростов-на-Дону, 15–29 марта 2023 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 209. – 0,2 п.л.

9. *Капканов Е.Н.* Проблемы переноса станичных погостов в ходе строительства Цимлянского водохранилища на примере хутора Челбин // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы II Региональной научно-практической конференции (Таганрог, 26–27 октября 2023 г.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2023. С. 246-250. – 0,31 п.л.

10. *Капканов Е.Н.* Проект Петра I по строительству Волго-Донского канала как военно-стратегического объекта // Международная безопасность и российская армия: история и современность. К 80-летию победы в Сталинградской битве: Материалы XXV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, 19 апреля 2023 г.). М.: Российский университет дружбы народов, 2023. С. 13–30. – 0,32 п.л.

11. *Капканов Е.Н.* Проектирование и строительство Волго-Донского канала: поиски и решение // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв.: Материалы III международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР (Саратов, 14 декабря 2022 г.). Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2023. С. 179–184. – 0,38 п.л.

12. *Капканов Е.Н.* Процесс переноса и очистки кладбищ в Ростовской области в ходе подготовки дна Цимлянского водохранилища в 1948–1951 годах // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Таганрог, 14 – 15 ноября 2024 г.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. С. 145–150. – 0,38 п.л.

13. *Капканов Е.Н.* Переселение жителей в ходе создания Цимлянского водохранилища: планы и реализация // Наука Юга России: достижения и перспективы: Тезисы докладов XX Всероссийской ежегодной молодежной научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 15–26 апреля 2024 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. С. 193. – 0,2 п.л.

14. *Капканов Е.Н.* Перезахоронение братских могил воинов Красной армии в связи со строительством Цимлянского водохранилища // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Таганрог, 30–31 октября 2025 г.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2025. С. 152–158. – 0,44 п.л.

Подписано в печать 28.10.2026. Тираж 100 экз.
Печать цифровая. Заказ 18-26
Отпечатано в Калмыцком научном центре РАН
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8